

УДК 343.241

ИСПРАВЛЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ КАК ЦЕЛЬ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Ю. Л. ШЕВЦОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается исправление осужденных как цель уголовной ответственности. Проводится сравнительный анализ закрепления этой цели в уголовном законе Беларуси, Казахстана, России и Украины. Анализируются различные научные подходы к пониманию цели исправления в доктрине уголовного и уголовно-исполнительного права. Рассматривается содержание исправления в морально-нравственном и юридическом аспектах. Обосновывается необходимость дифференцированного подхода и учета специфики при рассмотрении цели исправления в уголовном и уголовно-исполнительном праве, а также в отношении наказаний, связанных с изоляцией от общества, и иных мер уголовной ответственности и наказаний без изоляции от общества.

Ключевые слова: цели уголовной ответственности; исправление осужденных; юридическое исправление; морально-нравственное исправление.

CORRECTION OF THE CONVICTS AS THE PURPOSE OF CRIMINAL AND CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

Y. L. SHEVTSOV^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article deals with the concept of correction of convicts as the purpose of criminal responsibility. A comparative analysis of the consolidation of this purpose in the criminal law of Belarus, Kazakhstan, the Russian Federation and Ukraine is carried out. Various scientific approaches are analyzed in the understanding of the purpose of correcting in the doctrine of criminal and penitentiary law. The content of the correction is considered in moral and legal aspects. The article proves the necessity of a differential approach and consideration of specifics in considering the purpose of «correction» in criminal and penitentiary law, and regard to punishment related to isolation from society and other measures of criminal responsibility and punishment without isolation from society.

Key words: purposes of criminal responsibility; correction of convicts; legal correction; moral correction.

В юридической литературе целям уголовной ответственности и наказания уделено значительное внимание. В российской уголовно-правовой литературе и юридической литературе других стран СНГ на основании действующих уголовных кодексов (далее – УК) соответствующих стран и Модельного УК для государств – участников СНГ анализируются

цели наказания. В белорусской уголовно-правовой литературе рассматриваются цели уголовной ответственности, поскольку действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. формулирует цели именно уголовной ответственности (ст. 44), а не наказания. В белорусской науке уголовного права преобладает мнение о том, что уголовное на-

---

Образец цитирования:

Шевцов Ю. Л. Исправление осужденных как цель уголовного и уголовно-исполнительного права // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 2. С. 100–107.

For citation:

Shevtsov Y. L. Correction of the convicts as the purpose of criminal and criminal-executive law. *J. Belarus. State Univ. Law*. 2017. No. 2. P. 100–107 (in Russ.).

Автор:

Юрий Леонидович Шевцов – кандидат юридических наук, доцент; заместитель декана по заочному обучению; доцент кафедры уголовного права.

Author:

Yuri Shevtsov, PhD (law), docent; deputy dean for a correspondence course; associate professor at the department of criminal law, faculty of law.
shevtsov@bsu.by

казание и уголовная ответственность – взаимосвязанные, но не совпадающие институты [1, с. 24; 2, с. 30]. В этом плане позиция белорусского законодателя, на наш взгляд, предпочтительна, поскольку наказание выступает хотя и главной, но лишь одной из форм реализации уголовной ответственности. Так, по данным Верховного Суда Республики Беларусь, в 2016 г. было осуждено 44 770 лиц, из них 92 % – с назначением наказаний.

Адекватное правовое регулирование целей уголовной ответственности имеет важное значение. А. В. Барков обоснованно указывает на то, что определяющий фактор уголовно-правовой политики любого государства – задачи национального уголовного права и цели уголовной ответственности, посредством которой в основном решаются эти задачи [3, с. 92]. О. С. Рогачева называет цели критерием оценки эффективности правовых норм [4, с. 227].

Белорусский исследователь Э. А. Саркисова отмечает, что особенностью правового регулирования целей уголовной ответственности является то, что они относятся не только к наказанию, но и к иным мерам уголовной ответственности, а именно: к отсрочке исполнения наказания, осуждению с условным неприменением наказания, осуждению без назначения наказания, принудительным мерам воспитательного характера, применяемым к несовершеннолетним [5]. Автор полагает, что автоматический перенос целей наказания применительно к целям уголовной ответственности вряд ли оправдан. Если лицо, подвергнутое наказанию, в той или иной мере реально ощутило его карательное воздействие, то применение иных мер уголовной ответственности, не носящих карательного характера, как осужденными, так и гражданами чаще всего воспринимается как освобождение от наказания [5]. Такой вывод ставит вопрос о наличии определенной разницы в содержании целей наказания и целей иных форм реализации уголовной ответственности. Так, С. В. Максимов считает, что цели уголовного права поглощают своим содержанием цели уголовной ответственности, которые, в свою очередь, поглощают цели своей реализации [6, с. 11].

Согласно ст. 46 УК уголовная ответственность реализуется в осуждении:

- 1) с применением назначенного наказания;
- 2) с отсрочкой исполнения назначенного наказания;
- 3) с условным неприменением назначенного наказания;
- 4) без назначения наказания;
- 5) с применением в отношении несовершеннолетних принудительных мер воспитательного характера.

При этом сами наказания могут быть разделены на две группы: связанные с изоляцией от общества (в 2016 г. – 47 % от числа всех осужденных к наказаниям) и не связанные с ней, т. е. те, которые отбываются осужденным в обществе (53 %). Нам представляется, что цели этих мер уголовной ответственности имеют специфику как с точки зрения стратегии, так и тактики.

Под целями уголовного наказания М. П. Журавлев понимает те социальные результаты, достижение которых происходит путем установления мер государственного принуждения в законе и в результате их фактического применения [7, с. 189]. А. Э. Жалинский считает, что цели наказания представляют собой желаемый законодателем и обществом результат, а также ориентацию на его достижение, т. е. направленность потенциала наказания и деятельности по его назначению и исполнению [8, с. 375].

Важной целью социальных результатов, которые общество ожидает от наказаний, связанных с изоляцией от общества, и иных форм реализации уголовной ответственности и наказаний (не связанных с изоляцией осужденного от общества), на наш взгляд, является безопасность. При наказаниях в виде лишения свободы, аресте или пожизненном заключении цель безопасности общества достигается изоляцией осужденного в местах лишения свободы. Это делает невозможным причинение нового вреда общественным интересам, так как осужденный лишен возможности совершить новое преступление. В правиле 4 Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) особый акцент сделан на защите общества от преступников и сокращении случаев рецидивизма [9].

В ином аспекте цель безопасности общества выступает при отбывании осужденным мер уголовной ответственности в обществе. В таких обстоятельствах он не лишается физической возможности совершить новое преступление и априори способен причинить новый уголовно-противоправный вред гражданам или юридическим лицам. Поэтому цель общественной безопасности в данном случае особенно актуальна. Она не может быть достигнута автоматически и должна быть гарантирована особыми способами. Во-первых, данная цель должна быть учтена судом при назначении наказания без изоляции от общества или при выборе им иной формы реализации уголовной ответственности. Во-вторых, ее достижение должно обеспечиваться соответствующими органами путем осуществления особых контрольных мероприятий в отношении осужденного. Таким образом, при назначении уголовно-правовых мер, которые подлежат отбыванию в условиях гражданского общества, следует

обеспечить такой социальный результат, как безопасность общества, т. е. чтобы осужденный, отбывающий наказание или иную меру уголовной ответственности, не причинил вред общественным интересам вновь. Только уверенность на основании учета личностных данных в том, что это лицо, отбывая наказание, вновь не совершит преступление, позволит назначить такие меры и отказаться от наказаний с изоляцией от общества.

В уголовном законе цель исправления осужденного предусматривается в УК Российской Федерации 1996 г. (ст. 43), УК Казахстана 2014 г. (ст. 39), УК Республики Беларусь (ст. 44), УК Армении 2003 г. (ст. 48), УК Таджикистана 1998 г. (ст. 46) и законодательстве других стран. О цели исправления и перевоспитания осужденного в духе соблюдения законов и обычаев говорится в ст. 36 УК Болгарии 1968 г., о цели ресоциализации виновного – в ст. 39 УК Грузии 1999 г.

Среди целей уголовной ответственности на первое место поставлено исправление. Цель исправления лица, совершившего преступление, наряду с частным и общим предупреждением является законодательным социальным результатом, который должен быть достигнут путем применения мер уголовной ответственности.

В новых, пришедших на смену советским, УК законодатели многих стран СНГ сохранили только цель исправления и отказались от цели перевоспитания осужденных. Такой подход представляется обоснованным. Если воспитание формирует качества личности с чистого листа в процессе первоначальной социализации, то перевоспитание предполагает изменение уже воспитанной и сформировавшейся личности. По своей сути перевоспитание осужденных является специфическим видом воспитания, который нацелен на замену старой антиобщественной системы ценностей и мировоззрения личности преступника на новую – социально полезную или нейтральную. Перевоспитание предполагает искоренение отрицательно оцениваемых обществом личностных качеств, т. е. связано с перестройкой и заменой негативных свойств личности и антиобщественных взглядов, осложнявших процесс социализации личности, на социально полезные или нейтральные, а также с изменением жизненных приоритетов и способов поведения, приведших к совершению общественно опасного деяния.

В настоящее время большинство авторов считают целью перевоспитания осужденных неприемлемой в качестве цели уголовного наказания (во всяком случае в отношении совершеннолетних лиц) и не подлежащей закреплению в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. По мнению В. Н. Петрашева, «задача перевоспитать человека <...> нереальна» [10, с. 353–354].

Закрепление в уголовном законе только цели исправления оправданно и с позиций педагогической науки. В современной педагогике и гуманистической психологии утверждается мысль об угасании педагогического термина «перевоспитание». Это «термин далекого педагогического прошлого, когда ребенок, будучи для педагога объектом воздействия, трактовался как носитель суммы качеств. Предполагалось, что отрицательные качества нужно “удалять”, “уничтожать”, даже “вытравливать”, “подавлять” (при этом упускалась нечаянная возможность “подавить” и самую личность ребенка), а положительные – вкладывать на место вытравленных» [11, с. 373–374]. Вследствие этого данный педагогический термин считается не отвечающим ни гуманистическим тенденциям современной общечеловеческой культуры, провозглашающей высшей ценностью права человека на свободу, неприкосновенность и достоинство личности, ни прагматичным целям уголовной ответственности. Психологическая наука ставит под сомнение саму возможность перевоспитания взрослого человека со сложившимся мировоззрением [12, с. 485]. Говоря о перевоспитании, А. С. Макаренко писал, что это трудный и длительный процесс и перевоспитывать значительно труднее, чем воспитывать [13, с. 59].

Сложно также говорить о перевоспитании при назначении судом наказаний, исполнение которых носит одномоментный характер. Так, в случае осуждения к штрафу осужденный фактически после уплаты назначенной судом суммы одномоментно уже должен считаться перевоспитанным, что весьма сомнительно.

Исправление, как институт уголовного права, имеет важнейшее и принципиальное значение для понимания уголовной ответственности, поскольку, как верно подчеркнул А. И. Люблинский, «никто не должен быть удерживаем в тюрьме после того, как доказано, что он исправился и перестал представлять опасность для общества, и никто не должен быть выпускаем из тюрьмы до тех пор, пока он не исправился и представляет опасность для общества» [14, с. 88]. Принципы гуманизма и экономии репрессии выражаются в том, что если осужденный в процессе исполнения наказания до истечения полного назначенного судом срока исправился, т. е. цель наказания достигнута, то он подлежит условно-досрочному освобождению.

Однако, несмотря на столь важное правовое значение, ни белорусский, ни казахский, ни российский законодатель не определяет в уголовном законе, что следует понимать под исправлением осужденного. Это, на наш взгляд, недостаток уголовно-правового регулирования. Правовое понятие «исправление осужденного» законодатели указанных стран определяют в уголовно-исполнительном

законодательстве. Согласно Уголовно-исполнительному кодексу (далее – УИК) Республики Беларусь исправление осужденных – это «формирование у них готовности вести правопослушный образ жизни» (ст. 7). По УИК Российской Федерации 1996 г. – «формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения» (ст. 9). По УИК Казахстана 2014 г. – это «формирование у осужденного правопослушного поведения, позитивного отношения к личности, обществу, труду, нормам, правилам и этике поведения в обществе» (ст. 3).

В УИК Украины 2003 г. выделены две ступени – исправление и ресоциализация. Исправление трактуется как процесс положительных изменений, происходящих в личности осужденного и создающих у него готовность к самоуправляемому правопослушному поведению. Исправление рассматривается как необходимое условие ресоциализации, сознательное восстановление осужденного в социальном статусе полноправного члена общества, возвращение к самостоятельной общепринятой социально-нормативной жизни в обществе (ст. 6 УИК Украины).

Исследователями ведется дискуссия относительно того, что следует понимать под исправлением как целью уголовной ответственности и наказания. Слово «исправление» происходит от слова «исправить», т. е. устранить ошибки, недостатки, погрешности, сделать кого-либо или что-либо лучше, совершеннее, избавить от недостатков [15, с. 202; 16, с. 272].

Правовые дискуссии о понимании исправления как цели уголовной ответственности имеют давнюю историю. Еще в конце XIX в. И. Я. Фойницкий писал, что цель исправления понимается в двух значениях – в религиозно-нравственном и юридическом [17, с. 62].

В литературе советского периода И. С. Ной под морально-нравственным исправлением понимал «такую переделку личности осужденного, при которой нового преступления он не совершит не из страха перед наказанием, а потому, что это оказалось бы в противоречии с его новыми взглядами и убеждениями, потому, что в нем родился совершенно новый страх – страх совести, страх перед преступлением, отвращение к нему» [18, с. 114].

В психологической науке морально-нравственное исправление связывается с такими этическими категориями, как раскаяние, покаяние, искупление. Раскаяние, как психологический акт, предполагает признание собственной вины и отрицательную оценку совершенного общественно опасного деяния. Раскаиваясь, человек, совершивший преступление и причинивший вред людям и обществу, глубоко сожалеет о случившемся и принимает ре-

шение никогда больше не совершать проступков. Раскаяние выражается в особом нравственном чувстве сожаления, признании перед органами правосудия и окружающими согражданами своей виновности и готовности загладить вред, причиненный преступлением, а также понести справедливое наказание. В психологической литературе раскаяние называется необходимой составляющей искупления и условием исправления [19, с. 173–174].

Е. П. Ильин рассматривает покаяние как религиозное понятие, которое происходит исключительно перед лицом Бога. В православной литературе покаяние выступает в качестве одного из семи христианских Таинств. Принося покаяние в грехах, верующий очищает душу, переживает катарсис – чувство восторга, просветления, облегчения. Если в раскаянии нет отречения от себя прежнего (человек раскаивается лишь в отдельном поступке), то покаяние – это твердая решимость расстаться с грехом, изменить свою жизнь на другой, социально-нравственной, основе [19, с. 173–174]. Таким образом, покаяние содержит в себе не только осознание греховности в религиозном смысле, но и намерение исправиться.

Искупление проявляется в том, что индивид, принимая и претерпевая карательное воздействие правоограничений, свойственных наказанию, воспринимает его не как чуждый ему внешний принудительный элемент, а как справедливое воздаяние за тот вред и моральные страдания, которые он причинил потерпевшему и другим людям.

Российский криминалист А. И. Марцев считает, что «каждый осужденный обязан искупить свою вину за совершенное преступление честным трудом и примерным поведением», и предлагает признать искупление самостоятельной целью уголовной ответственности [20, с. 68]. Как представляется, содержащееся в уголовно-исполнительном законодательстве понятие «исправление» допустимо распространить и на уголовно-правовое понятие цели исправления. Однако здесь следует учитывать специфику. Исходя из того, что цель выступает в качестве определяющего фактора уголовной политики, считаем, что определение исправления осужденных как результат, а также критерии и степени исправления подлежат регламентации в уголовном законе, поскольку эта цель формирует стратегию и тактику применения уголовного закона, а степень исправления выступает правовым основанием для прекращения или изменения порядка отбывания наказания. Так, лицо, доказавшее исправление примерным поведением, подлежит условно-досрочному освобождению.

В уголовно-исполнительном законодательстве понятие «исправление» также подлежит закреплению. В первую очередь здесь важно регламентировать сам процесс исправительного воздействия, а также необходимый социальный результат, пони-

маемый сегодня как формирование у осужденного готовности вести правопослушный образ жизни. Причем достижение этого результата следует рассматривать применительно к средствам, задачам и специфике деятельности органов, исполняющих определенное наказание или иные меры уголовной ответственности. Очевидно, что если назначенное судом наказание не будет исполнено, то и возможность достижения цели исправления сомнительна. Признавая роль самовоспитания личности в деле исправления, следует отметить, что в уголовно-исполнительном праве задача исправления осужденного решается именно в процессе исправительного воздействия как результата деятельности уполномоченных органов, исполняющих меры уголовной ответственности. Эти возможности уполномоченных органов зависят как от вида назначенного наказания, так и от специфики их компетенции по исполнению мер уголовной ответственности.

На современном этапе в законодательстве и теории уголовного права востребована концепция юридического исправления. Б. В. Яценко пишет, что «цель исправления осужденного заключается в том, чтобы с помощью карательных элементов наказания попытаться заставить изменить отрицательные качества личности осужденного, под влиянием которых было совершено преступное деяние, и привить ему уважительное отношение к закону, установленному правопорядку, правилам и интересам других граждан. Под исправлением осужденного понимается достижение путем наказания такого результата, чтобы лицо после отбытия наказания не совершило нового преступления. Речь идет о так называемом юридическом исправлении осужденного. Добиться юридического исправления осужденного – это тот максимально возможный результат, на который способно уголовное наказание» [21, с. 187].

По мнению А. В. Наумова, исправление предполагает превращение преступника в законопослушного человека. Речь, конечно, не идет о том, чтобы в ходе отбывания наказания он превратился в высоконравственную личность. «Реальная задача, которую возможно решить в ходе исправления, – убедить и заставить осужденного хотя бы под страхом наказания не нарушать уголовный закон, т. е. не совершать в будущем новых преступлений» [22, с. 346].

Для того чтобы лицо стало законопослушным, следует преодолеть вредные привычки и отрицательные черты характера, устранить негативные антиобщественные взгляды, которые способствовали совершению преступления. Достижению цели исправления способствуют уголовно-правовые и уголовно-исполнительные средства, такие как наличие уголовно-правового запрета, а также комплекс уголовно-исправительных мер, в том числе режимные требования соответствующего наказа-

ния, проведение с осужденными воспитательной работы, привлечение к общественно полезному труду и обучению, общественное воздействие.

Некоторые авторы не считают исправление осужденных самостоятельной целью уголовной ответственности и не находят поводов для закрепления данной цели в уголовном законе. Эта цель рассматривается ими только как задача, метод и средство достижения цели предупреждения совершения новых преступлений (частная превенция). Некоторые ученые отрицают ее самостоятельное значение, считая, что цель предупреждения преступлений включает в себя и цель исправления осужденного.

Белорусский исследователь Э. А. Саркисова указывает на то, что цель исправления лица, совершившего преступление, излучает некоторый архаизм. Особенно если иметь в виду, что она, как правило, не достигается: сегодня в Республике Беларусь уровень рецидива преступлений приближается к 50-процентной отметке [5]. При том, что законодатель ставит цель исправления на приоритетное место, Э. А. Саркисова отмечает, что вопрос о содержании данной цели и уголовно-правовых средствах ее обеспечения в научной литературе исследован слабо. Так же слабо обеспечивается достижение данной цели в процессе исполнения наказания и иных мер уголовной ответственности. Сравнительно-правовой анализ УК государств СНГ и других стран в части регламентации целей уголовного наказания не свидетельствует о единообразности в понимании их иерархической значимости. Поскольку исправление осужденного, и как процесс, и как результат, непосредственно подчинено достижению цели специального предупреждения, т. е. недопущению лицом и в будущем совершения новых преступлений, по мнению Э. А. Саркисовой, более логичным будет рассматривать исправление как средство обеспечения специально-предупредительного предназначения наказания и в целом уголовной ответственности. Тем более что достижение цели исправления осужденного уже после отбывания наказания будет определяться наличием или отсутствием рецидива преступлений, хотя правопослушное поведение исключает совершение любых правонарушений [23, с. 331]. Н. А. Бабий также указывает на то, что исправление является составной частью, основным способом достижения цели частного предупреждения [24, с. 426].

Согласно противоположной точке зрения исправление признается содержательно более широкой целью, нежели предупреждение преступлений. С. В. Максимов пишет, что «сущность исправления осужденного состоит в лишении данного лица общественной опасности, т. е. в устранении самой готовности к совершению им новых преступлений. Критерием достижения этой цели является

несовершенство осужденным новых преступлений. Таким образом, цель исправления осужденных поглощает цель предупреждения среди них новых преступлений» [25, с. 253].

Н. А. Беляев считает, что «моменты достижения целей исправления осужденного и частного предупреждения не совпадают. Рассматриваемые цели наказания не совпадают и по своему содержанию. Принципиально неверно рассматривать исправление и перевоспитание осужденного только в качестве средства предупреждения совершения новых преступлений со стороны осужденного. <...> Удержание осужденного от совершения новых преступлений – это та минимальная задача, которую государство ставит перед уголовным наказанием. Вообще же перед уголовным наказанием ставится более гуманная, более высокая, более благородная задача, чем только задача сделать бывшего преступника безопасным для общества. Применяя уголовное наказание, государство стремится из бывшего преступника воспитать честного советского труженика» [26, с. 55]. В связи с этим верно утверждение Н. А. Беляева о том, что исправление осужденного и предупреждение совершения им новых преступлений следует считать самостоятельными целями уголовного наказания.

Исправление, как результат и процесс деятельности, имеет самостоятельное правовое значение в уголовном и уголовно-исполнительном праве. Тем более что эффективность цели частной превенции определяется событиями (повторным совершением/несовершением преступления), которые находятся на значительном временном удалении от уже завершенных процессов исправительно-воспитательного воздействия при исполнении и отбывании наказания и последовавших ресоциализационных мер постпенитенциарной помощи в трудоустройстве, обустройстве на месте жительства и т. п.

Не вызывает сомнения, что реальным средством достижения цели специального предупреждения является исправление осужденного и что посредством этого достигается и цель частной превенции, поскольку если у лица сформировалась готовность к правопослушному поведению, то высока вероятность того, что оно не будет впредь совершать преступления.

Однако цель исправления осужденного и цель частного предупреждения, имея общие точки соприкосновения, находятся в разных правовых плоскостях и имеют собственное правовое назначение. Объектом исправления является личность осужденного, целью – формирование готовности вести правопослушный образ жизни. Цель частного предупреждения направлена на обеспечение безопасности и защиты общества, т. е. несовершенство осужденным новых преступлений и непричинение им нового противоправного вреда обществу. Таким

образом, и для законодателя, и для общества ценны обе цели. Это обуславливает необходимость их отдельного правового регулирования и реализации осуществления в процессе уголовно-исполнительной деятельности. С точки зрения исполнения наказания и иных мер уголовной ответственности цель исправления и цель частной превенции требуют от правоохранительных органов, в том числе исполняющих наказания, самостоятельной организационной и распорядительной деятельности по каждому направлению для практической реализации каждой из них, поскольку они обособлены как содержательно, так и по времени и органам, их реализующим.

Если в доктрине уголовного права преобладает мнение о том, что цель исправления считается достигнутой, если осужденный после отбывания наказания больше не совершает преступлений (юридическое исправление), то, по мнению С. М. Зубарева, «в науке уголовно-исполнительного права и пенитенциарной педагогике исправление рассматривается в качестве результата комплексного воздействия на личность осужденного, которое превращает его в безопасного и безвредного для общества человека» [27, с. 76], т. е. имеется в виду нравственное исправление. При этом степень исправленности конкретного осужденного всегда индивидуальна, следовательно, и содержательное достижение цели исправления может быть разным. Главное здесь – изменить искаженные нравственные ориентации осужденного, обуславливающие совершение преступлений, на позитивные социально полезные.

По мнению В. С. Комиссарова, «реализация уголовно-исполнительной цели исправления предполагает не только юридическое исправление (несовершение в будущем преступлений), но и полное изменение внутреннего социально-психологического облика осужденного» [28, с. 326–328].

В теории уголовно-исполнительного права под исправлением понимается «частичное изменение сознания и поведения осужденного, преодоление отрицательных качеств личности, которые привели к совершению преступления, и достижение цели не совершать преступления в будущем» [29, с. 590].

В доктрине имеются полярные высказывания по поводу того, соответствует ли практика законодательства и практика реализации мер уголовной ответственности декларируемой цели исправления и возможно ли в принципе достижение названной цели.

В. Б. Малинин к принципам уголовно-исполнительного права относит принцип возможности исправления каждого лица, совершившего преступление [30, с. 14]. Мы также считаем, что данный принцип лежит в основе задач, стоящих перед уголовно-исполнительным законодательством и органами, исполняющими наказания.

Однако его нет в числе законодательных принципов уголовно-исполнительного права России, Казахстана и Беларуси. Полагаем, его невключение в систему принципов уголовно-исполнительного права может быть объяснено несколькими причинами. Это, во-первых, высокий уровень рецидивной преступности, свидетельствующий как о недостаточной эффективности системы наказаний и уголовно-правовых мер в целом, так и о проблемах исправительного воздействия в процессе отбывания наказания. Во-вторых, теоретические сомнения в принципиальной возможности достижения исправления осужденных как цели наказания. В-третьих, в системе наказаний некоторых стран, в частности в Республике Беларусь, предусмотрено наказание в виде смертной казни, при назначении которого в отношении виновного лица предполагается вынужденная констатация факта, что преступника невозможно исправить и его следует покарать. Здесь принцип возможности исправления лица, совершившего преступление, не является всеохватывающим, поскольку есть наказание, которое не предполагает возможности исправления.

Было бы наивно полагать, что в отношении абсолютно всех лиц, отбывающих наказание, возможно достижение цели исправления. Вместе с тем следует признать, что в нормах уголовно-исполнительного права эта возможность прописана. На практике исправление достигается посредством деятельности органов, исполняющих наказание, в отношении значительной части осужденных. Отвечая на вопрос о том, почему законодательная возможность исправления в отношении конкретного осужденного не была реализована, следует отметить, что это вопрос конкретной причины, обстоятельств объективного и (или) субъективного свойства, которые могут быть изучены, проанализированы и в последующем устранены. Таким образом, мы не видим препятствий для придания этому принципу статуса отраслевого принципа уголовно-исполнительного законодательства.

В законодательстве и юридической литературе определение критериев и степени исправления ос-

новано на общих принципах, т. е. эти требования универсальны для всех осужденных. Мы же считаем, что, исходя из специфики видов наказаний, иных мер уголовной ответственности, особенностей их исполнения и отбывания, особенностей личности преступника, законодательное регулирование критериев и степени их исправления не должно быть всеобщим, а должно иметь специфику в отношении указанных выше позиций. Так, отбыванию наказания в обществе (например, общественным работам или условному осуждению) и исполнению лишения свободы с изоляцией в исправительных учреждениях характерно применение основных средств исправления в разном объеме. Кроме учета специфики различных видов наказания и иных мер уголовной ответственности, особенностей режима их исполнения и отбывания для организации эффективного исправительного процесса имеют значение особенности личностных характеристик осужденных, которые оказывают непосредственное влияние на критерии и степень исправления, методы воспитательной работы.

Рассматривая причины преступности на индивидуальном (психологическом) уровне, необходимо исследовать субъективные психологические причины совершения преступлений конкретными людьми. В данном случае анализ механизмов преступного поведения свидетельствует о том, что на индивидуальном уровне общей причиной преступного поведения является отрицательная или недостаточная социализация личности, т. е. неполное усвоение ею норм социальной жизни либо пренебрежение ими, слабая адаптированность к окружающим условиям. Исправление, как деятельность, предполагает активное внешнее воздействие на отрицательные качества личности преступника и преодоление недостатков предыдущей отрицательной социализации личности. Осуществляя исправительную деятельность, важно знать и положительные черты личности осужденного. Опора на них позволит оказать воспитательное воздействие, призванное способствовать достижению поставленных целей.

Библиографические ссылки

1. Барков А. В. Концептуальные основы Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. // Юстиция Беларуси. 1999. № 4. С. 23–28.
2. Хомич В. М. Формы реализации уголовной ответственности. Минск, 1998.
3. Барков А. В. Цели уголовной ответственности: законотворчество и правоприменение // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе : сб. науч. тр. / отв. ред.: А. Л. Савенок [и др.]. Минск, 2012. С. 92–101.
4. Рогачева О. С. Эффективность норм административно-деликтного права. Воронеж, 2011.
5. Саркисова Э. А. Цели уголовной ответственности и средства их обеспечения в контексте современных реалий уголовной политики [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2016.
6. Максимов С. В. Цель в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Казань, 2002.
7. Уголовное право. Общая и Особенная части / под общ. ред. М. П. Журавлева и С. И. Никулина. М., 2004.
8. Уголовное право России : в 2 т. / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М., 2000. Т. 1.
9. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unodc.org/documents/justice->

and-prison-reform/SMRbrochures/UN_Standard_Minimum_Rules_for_the_Treatment_of_Prisoners_the_Nelson_Mandela_Rules-R.pdf (дата обращения: 26.03.2017).

10. Уголовное право. Общая часть / под ред. В. Н. Петрашева. М., 1999.
11. Педагогика / под ред. П. И. Пидкасистого. М., 1998.
12. Романин А. Н. Практическая психология и психотерапия. М., 2011.
13. Макаренко А. С. Педагогические сочинения : в 8 т. М., 1984. Т. 4.
14. Люблинский А. И. Неопределенные приговоры // Журн. Мин-ва юстиции. 1904. № 2. С. 85–127.
15. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2014.
16. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М., 1999.
17. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. М., 2000.
18. Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. Саратов, 1973.
19. Ильин Е. П. Психология совести: вина, стыд, раскаяние. СПб, 2016.
20. Марцев А. И. Специальное предупреждение преступлений. Омск, 1977.
21. Журавлев М. П., Наумов А. В., Никулин С. И. и др. Уголовное право России. Части Общая и Особенная. 5-е изд. М., 2004.
22. Наумов А. В. Российское уголовное право : в 2 т. М., 2004. Т. 1.
23. Саркисова Э. А. Уголовное право. Общая часть. Минск, 2014.
24. Бабий Н. А. Уголовное право. Общая часть. Минск, 2010.
25. Уголовное право. Общая часть / под ред. Л. Д. Гаухмана, С. В. Максимова. М., 2004.
26. Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. Л., 1963.
27. Уголовно-исполнительное право. 2-е изд. / отв. ред. А. С. Михлин. М., 2009.
28. Борзенков Г. Н., Кузнецова Н. Ф., Иногамова-Хегай Л. В. Российское уголовное право : в 2 т. М., 2010. Т. 1 : Общая часть.
29. Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. / под ред. С. А. Балашенко. Минск, 2007. Т. 1.
30. Малинин В. Б., Смирнов Л. Б. Уголовно-исполнительное право. М., 2010.

References

1. Barkov A. V. Conceptual foundations of the Criminal Code of the Republic of Belarus 1999. *Yusticiya Belarusi*. 1999. No 4. P. 23–28 (in Russ.).
2. Homich V. M. [Forms of realization of criminal responsibility]. Minsk, 1998 (in Russ.).
3. Barkov A. V. [The purposes of criminal liability: lawmaking and law enforcement]. *Klassicheskaya i postklassicheskaya metodol. Razvitiya yuridicheskoi nauki na sovrem. Etape. Sat. Sci. Tr.* 2012. P. 92–101 (in Russ.).
4. Rogacheva O. S. [The effectiveness of the norms of administrative tort law]. Voronezh, 2011 (in Russ.).
5. Sarkisova E. A. [Aims of criminal responsibility and means of their provision in the context of modern realities of criminal policy] [Electronic resource]. *Consultant Plus. Belarus*. LLC «YurSpektr». Minsk, 2016 (in Russ.).
6. Maksimov S. V. [The purpose in the criminal law: the author's abstract] : avtoreferat dissertatsii kandidata ... yuridicheskikh nauk : 12.00.08. Kazan, 2002 (in Russ.).
7. Zhuravlev M. P., Nikulin S. I. (eds.) [Criminal law. General and Special Parts]. М., 2004 (in Russ.).
8. Ignatov A. N., Krasikov Yu. A. (eds.) [Criminal Law of Russia]. 2 vol. Moscow, 2000. Vol. 1 (in Russ.).
9. United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (Nelson Mandela Rules). URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/SMRbrochures/UN_Standard_Minimum_Rules_for_the_Treatment_of_Prisoners_the_Nelson_Mandela_Rules-R.pdf (date of access: 26.03.2017) (in Russ.).
10. Petrashev V. N. (ed.) [Criminal law]. Moscow, 1999 (in Russ.).
11. Pidkastyi P. I. (ed.) [Pedagogy]. Moscow, 1998 (in Russ.).
12. Romanin A. N. [Practical psychology and psychotherapy]. Moscow, 2011 (in Russ.).
13. Makarenko A. S. [Pedagogical works]: in 8 vol. Moscow, 1984. Vol. 4 (in Russ.).
14. Lublinsky A. I. [Uncertain sentences] // *Zhurnal minist. yustitsii*. 1904. No 2. P. 88 (in Russ.).
15. Ushakov D. N. [Explanatory dictionary of the Modern Russian language]. Moscow, 2014 (in Russ.).
16. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. [The explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions]. 4th ed. Moscow, 1999 (in Russ.).
17. Foynitsky I. Ya. [The doctrine of punishment in connection with doctrine of prison]. Moscow, 2000 (in Russ.).
18. Noy I. S. [The essence and functions of criminal punishment in the Soviet state]. Saratov, 1973 (in Russ.).
19. Ilyin E. P. [Psychology of conscience: wine, shame, repentance]. Saint Petersburg, 2016 (in Russ.).
20. Martsev A. I. [Special prevention of crimes]. Omsk, 1977 (in Russ.).
21. Zhuravlev M. P., Naumov A. V., Nikulin S. I. [Criminal law of Russia. Parts of the General and Special]. 5th ed. Moscow, 2004 (in Russ.).
22. Naumov A. V. [Russian criminal law] : in 2 vol. 3rd ed. Moscow, 2004. Vol. 1 (in Russ.).
23. Sarkisova E. A. [Criminal Law. General part]. Minsk, 2014 (in Russ.).
24. Babiy N. A. [Criminal Law. A General part]. Minsk, 2010 (in Russ.).
25. Gaukhman L. D., Maksimov S. V. (eds.) [Criminal law. General part]. Moscow, 2004 (in Russ.).
26. Belyaev N. A. [Purposes of punishment and means of their achievement in corrective labor institutions]. Leningrad, 1963 (in Russ.).
27. Mikhlin A. S. [Criminal Executive Law]. 2nd ed. Moscow, 2009 (in Russ.).
28. [Russian criminal law] : in 2 vol. 3rd ed. Mosc., 2010. Vol. 1 (in Russ.).
29. Balashenko S. A. (ed.) [Belarusian legal encyclopedia] : in 4 vol. Minsk, 2007 (in Russ.).
30. Malinin V. B., Smirnov L. B. (eds.) [Criminal-executive law]. Moscow, 2010 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 27.03.2017.
Received by editorial board 27.03.2017.